

Оксенов Иннокентий Александрович

Лариса Рейснер

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
И66

И66 **Иннокентий Александрович О.**
Лариса Рейснер / Оксенов Иннокентий Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2025. – 42 с.

ISBN 978-5-521-26201-4

ISBN 978-5-521-26201-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Литературное имя Ларисы Рейснер спорило с ее организаторскими, революционными и боевыми заслугами. Лариса Рейснер — комиссар морского штаба, единственная в истории женщина-моряк, совершившая ряд головокружительных подвигов, и она же, Лариса Рейснер — писатель, критик и журналист. Эти образы неразрывно связаны между собою. В своей кипучей общественной и боевой работе Лариса Рейснер непрерывно черпала материал для своего творчества, и, обратно, вся ее литературная деятельность служила общественности и революции. Лариса Рейснер была выдающимся организатором дел, людей и слов, в своей многосторонности блестящим примером нового человеческого типа, создаваемого нашей эпохой. Биография Ларисы Рейснер, еще ненаписанная, будет современем одной из прекрасных, героических глав истории Октябрьской революции. Но и в литературе покойная Лариса Михайловна — блестящий стилист и зоркий художник — занимала свое исключительное место, играла своеобразную, выдающуюся роль, еще по достоинству не оцененную. Предлагаемый читателю очерк является первой попыткой

подойти к вопросу о литературном значении Ларисы Рейснер, осветить пройденный ею в литературе, слишком краткий, но достаточно богатый достижениями путь.

Некоторые биографические и историко-литературные подробности, приводимые в настоящем очерке, сообщены мне Всеволодом Александровичем Рождественским и Сусанной Альфонсовной Укше, которым приношу свою глубокую благодарность, равно как Лидии Николаевне Сейфуллиной, предоставившей воспроизведенный здесь портрет Ларисы Рейснер.

Иннокентий Оксенов.

Ленинград.

9 января 1927 г.

Искусство, как женщина,
любит землю.

Л а р и с а Р е й с н е р.

Лариса Рейснер родилась и выросла в профессорской семье — либерального, хотя отнюдь не революционного духа. С детства окружала ее атмосфера большой культурности. Лариса Рейснер очень рано, сравнительно, стала жить литературными интересами, еще на школьной скамье писала стихи, конечно — наивные и детские, но порою уже касавшиеся серьезных тем. Литературные симпатии Ларисы Рейснер определились рано — Блок, Гумилев, Шекспир, Шиллер — драматург. Первой литературной работой Ларисы Рейснер явилась статья о женских типах Шекспира (Офелия и Клеопатра) и, одновременно с нею, анализ Гамлета (обе работы были изданы в 1912 г. в Риге, издательством „Наука и Жизнь“, в то время, когда автору было всего лишь 17 лет).

Следующим по времени литературным произведением Ларисы Рейснер явилась законченная, по-видимому, весной 1913 года пьеса „Атлантида“, напечатанная в 21-ом альманахе „Шиповника“ (Петербург, 1913).

Для начинающего писателя „Шиповник“ был пределом мечтаний, эта марка давала в те времена право на вход в „большую литературу“. И, в самом деле, „Атлантида“ — произведение в общем юношеское, незрелое — все-таки ясно доказывает наличность в авторе крупного литературного таланта. В этой вещи уже сказались все особенности, свойственные дарованию Ларисы Рейснер: четкость, „прекрасная ясность“ стиля, с одной стороны, и пышная цветистость, изысканная метафоричность — с другой. Сюжет „Атлантиды“ построен на мексиканской мифе о принесении в жертву юноши, который в течение года пользуется божескими почестями (обычай, существовавший, с некоторыми вариантами, и у других древних народов, как например в Вавилоне; на подобном же материале построена пьеса Анат. Глебова „Загмук“). Лариса Рейснер подошла к разрешению темы как акмеистка. Тема такого рода таила в те годы несомненный соблазн к трактовке ее в духе и методами символизма. Кое-что общее „Атлантида“ имеет, правда, с „Королем на площади“ А. Блока: та же не совсем определенная, словно неосознанная до конца (или намеренно сдвленная, по цензурным условиям) революционность, даже тот же образ „кораблей“, в котором и в той и в другой пьесе символизируются все чаяния и надежды восстающего народа. Но, в то время как „Король на площади“ целиком условен, схематичен и символичен, „Атлантида“ — в значительной мере „от земли“,

реалистична настолько, насколько может быть реалистична пьеса с подобным полуфантастическим сюжетом. В этом смысле „Атлантида“ ближе к современному нам „Загмуку“, чем к блоковской „лирической драме“.

Для характеристики стиля и пафоса „Атлантиды“ приводим отрывок из монолога „Обреченного“:

„Снова во прах распростерт ты, народ... У тебя ничего нет, о, народ мой, ты давно все продал, о, возлюбленный. Взгляни, где орлиная свобода твоя? — не в подвалах ли смрадных гниет она, с камнем на шее?... О тысячах лучших твоих, тела которых клюют коршуны на прибрежных скалах, о тысячах, растоптанных тобою, о, державный владыка, о них спрашиваю, над юностью и гением которых ты надругался, над которыми плачут матери и мечутся жены, чьих дочерей ты оголил себе на потеху. О них спрашиваю тебя, что ты с ними сделал? Что ты с собою сделал, о, бессмысленный? Ты продал себя, щедрый, ты надругался над собой, растленный, ты оплевал и ограбил свою душу, о, проклятый народ мой!“.

Герой „Атлантиды“ Леид — Обреченный, уплыв однажды в море, увидел новую землю. Атлантиде грозит гибель под волнами океана, и вся надежда для ее обитателей — достигнуть новой земли.

Вдохновленные Леидом, жители Атлантиды строят корабли для осуществления этой заветной цели. Для правящих Атлантидой жрецов эта идея пред-

ставляется революционной химерой. Овладев Леидом, жрецы не выпускают его из своих рук, справедливо видя в нем угрозу своему могуществу. Леид погибает, но в момент его смерти „на горизонте плывут белые паруса уходящих кораблей“.

В 1915 — 16 гг. Лариса Рейснер слушала курс историко-филологического факультета Петроградского университета. В эти годы вокруг нее сгруппировался кружок молодых поэтов-студентов, в который входили: Вл. Злобин, В. Тривус, Всеволод Рождественский, Д. Майзельс, Георгий Маслов (автор поэмы „Аврора“, ныне покойный) и Анна Регат. Бывал в этом кружке также и Сергей Есенин, приехавший в Петроград весной 1915 г. „Душою“ кружка была Лариса Рейснер, носившая тогда характерное прозвище „ионийский завиток“. Собрания кружка происходили на квартире Рейснеров. Большая часть стихов, читавшихся на этих собраниях, шла под знаком эстетизма и мистики. Лариса Рейснер находилась по отношению к этим течениям в иронической оппозиции.

Сама она в то время писала стихи, почти зрелые, „парнасские“ по форме, задорные и дерзкие по темам. В Ларисе Рейснер странным образом уживались — чисто „петербургский“ эстетизм, требовавший чеканной отделки стиха и, на-ряду с этим, органическая революционность мировоззрения, ненависть к мещанству всякого рода, большой заряд социального протеста. Вот для примера строфа из стих. „Памяти Камилла Демулена“:

Когда все ближе дальний зов,
И грязь веков — от слез намокла,
Ты первый вышибашь стекла
Еще не тронутых дворцов.
И как непоправимо точен
Размах убийственных пощечин!

Господствовавшая в те годы литературная мода на исторические темы нашла в творчестве Ларисы Рейснер необычное для своего времени отражение. Характерно и другое стихотворение „Медному Всаднику“ с темой „...и правит Бенкендорф, где правили хариты!“. В этом стихотворении, между прочим, есть исторический ляпсус: в нем говорится об „эпическом указе“, ссылавшем Пушкина „на Кавказ и в дебри Кишинева“, — тогда как на самом деле такого „указа“, как известно, не существовало. За эту неточность товарищи высмеивали Ларису Рейснер, но тем не менее и „Медный всадник“ и „Демулен“ были в студенческой среде очень популярны.

Эти и другие стихи Ларисы Рейснер были напечатаны в журнале „Рудин“, выходившем ежемесячными тетрадками большого формата с октября 1915 г. по май 1916 г. Этот журнал, на котором стоит остановиться, представлял собою целиком создание Ларисы Рейснер, свидетельство ее организаторских и редакторских дарований.

„Рудин“, давая многое для характеристики раннего периода литературного пути Л. Рейснер, в то же время необычайно типичен как ~~особый~~

литературное явление времени реакции, как попытка прорвать литературную и общественную косность, попытка сказать нужные слова хотя бы и „эзоповским“ языком ¹.

Лариса Рейснер выступала в „Рудине“ под различными псевдонимами. Помимо прозрачной подписи „М. Ларин“ ей же принадлежат имена Л. Храповицкого, Е. Ниманд, Надежды Нолле и И. Смирнова. Почти вся критическая и публицистическая часть „Рудина“ принадлежала Ларисе Рейснер, а в статьях других авторов несомненно чувствуется ~~ее~~ редакторская рука.

В статьях „Рудина“ уже сформировался собственный стиль Ларисы Рейснер, определился ее синтаксис, лексика, эпитеты и метафоры.

В приводимом ниже отрывке из очерка „Цирк“ („Рудин“, 1916 г., № 6) можно без труда узнать перо будущего автора блестящих страниц „Фронта“ и „Афганистана“.

„Изнасилованные упрямством укротителей, птицы и звери изменили вековым привычкам, стали нежными и мудрыми, совершенно одухотворенными существами. Попугаи танцуют танго, лошади кружатся по замкнутому кругу и при этом улыбаются свежими и ласковыми мордами, как балерины, вы-

¹ Кроме упомянутых выше членов кружка, в „Рудине“ принимали участие: проф. М. А. Рейснер (отец Л. М.), Д. Крачковский, Як. Окунев, О. Мандельштам, Лев Никулин и другие.

тянутые на кончике ноги. Собака знает, что дважды два четыре, и непринужденно извлекает квадратные корни“.

Интересно — не только в стилистическом отношении суждение Ларисы Рейснер об Александре Блоке (Л. Храповицкий. „Через Ал. Блока к Северянину и Маяковскому“. „Рудин“, 1916, № 7):

„Из сумерек социального упадка он (Блок) вынес цветок мистической поэзии, бледный, но благоухающий, и в этом его величайшая заслуга. Но подражать Ал. Блоку, его полутонам, его лирике, выросшей без света и воздуха, его любви, затерянной в сером, холодном небе, — невозможно и бесполезно. Как всякое завершение—Блок неповторим“.

Говорить так в 1916 году значило видеть и понимать многое, что тогдашней руководящей критике в целом было недоступно. В этой же статье дана высокая оценка Маяковского. „Камень, железо и асфальт гнутся и стонут в стихах Маяковского. Через толщу тротуаров, из-под каменных гор приходит его гнев, его месть, его жажда освобождения“. Опять - таки следует помнить, что это написано в 1916 году, когда Маяковский ничего кроме замалчивания и издевательств по отношению к себе еще не встречал.

Мысли, высказанные едва ли не впервые Ларисой Рейснер, стал впоследствии повторять любой рецензент. Но для того, чтобы говорить так в 1916 году, нужны были большое критическое чутье и большое гражданское мужество.

Для характеристики критических взглядов Ларисы Рейснер интересна ее статья под тем же псевдонимом в № 8 „Рудина“ об „Уездном“ Е. Замятина: „«Уездное» — написано блестяще. Язык изысканный, какое чувство меры, какой неоспоримый, яркий талант. Но образы! Но персонажи! Освеженная Васькина икра! Тут и Горький, и Толстой, Успенский, Сологуб и даже Чириков...“. „Ни одного лишнего плевка или ругательства. Даже запах смазных сапог, овчинного тулупа и уездного навоза — приятен и удобочитаем...“. Далее Лариса Рейснер упрекает Е. Замятина в „моральном шаблоне“ и засилии быта, противопоставляя отечественному „бытовизму“ психологизм западной, преимущественно германско-скандинавской литературы. Для Ларисы Рейснер тех лет вообще характерно увлечение „западничеством“. В памфлете „Семен Афанасьевич Венгеров и русская литература“ („Рудин“, № 4) Лариса Рейснер обрушивается на порнографическое творчество русских декадентов, ставя „в пример“ Ибсена. Острие этого памфлета направлено против того затушевывания противоречий русской литературы, которое было свойственно С. А. Венгерову.

В чисто публицистических выступлениях Лариса Рейснер неизменно обнаруживала свой страстный темперамент общественного бойца. Ее издевательства над „мужем великой учености“ М. И. Туган-Барановским, превращающим марксизм в „пасхального масляного барашка“, над К. Чуковским, про-